

Он был поэтом – символистом, живописцем, переводчиком, лектором, краеведом. А ещё художником и гением места по названию Коктебель. Интересовался хиромантией и оккультизмом, изучал антропософию и христианство. «И был един во всех своих ликах».

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин родился 28 мая 1877 года в Киеве в семье юриста, члена Судебной палаты Александра Максимовича Волошина и его супруги Елены Оттобальдовны, урождённой Глазер. По отцовской линии его предки происходили из запорожских казаков, по линии матери – обрусевшие немцы. «Я родился в Духов день, – вспоминал Волошин, – когда земля-имениница, отсюда любовь ко всему, что живёт, цветёт, к земле».

Артистическая натура

«Вдруг стук в дверь. Открываю. На пороге – толстый юноша с львиной шевелюрой. Заявляет сходу: «Здравствуйте, я Макс Волошин. Можно мне порисовать?» Даём ему мольберт и бумагу. К концу сеанса – дружба на всю жизнь», – так описывала первое появление Волошина в парижской мастерской художница Елизавета Кругликова. «В Париже Макс расположился в центре Мон-

парнаса, – вспоминал Илья Эренбург. – Вокруг него всегда было шумно. Он рассказывал французам о юродивых древней Руси, о раскольниках. Поспевал всюду. И на выступление Айседоры Дункан, и на выставки импрессионистов, и на дружеские пирушки».

Дружил со многими поэтами, а к своим стихам относился очень строго, первый сборник опубликовал только, когда ему исполнилось 33 года, в 1910 году. А в начале века в Париже он выступает как корреспондент нескольких журналов, литературный, театральный критик. В России же открывает современное европейское искусство для соотечественников. «Я увидел его впервые, – вспоминал Белый, – на рисунке художницы Кругликовой. А потом – пожалуйста, та же курчавая борода на званом ужине у Брюсова». «Пригласил юношу из Крыма, – это уже взгляд Брюсова. – Интересно рассказывает, умён, начитан, талантлив». Многие, кто присутствовал у Брюсова в тот вечер, отмечали, что новичок – полная противоположность хозяину. «Ангел мира, – назвал его Андрей Белый. – Если Брюсов "углит", то Волошин "круглит". Он – сама доброта, проходит через строй чужих мнений, не толкаясь, готовый выслушать всех, а потом уже выдать резолюцию, обильно снабдив её цитатами».

Общение с поэтами-символистами оказывает влияние на творчество Волошина. Поэт подпадает и под влияние теософов, а затем австрийского философа Рудольфа Штайнера, ученика Блаватской, основателя антропософии – учения, ставящего целью раскрытие внутренних сил человека. Но всё же теософские идеи в большей степени привлекают его. Максимилиан Александрович так определял её цели: «Теософия призывает к изучению оккультных сил в природе человека и, вместе с тем, напоминает, что во все времена нормальный путь нравственного очищения, затем духовное возрождение, просветление, и затем уже давалась сила, могущество, способность применять знание скрытых законов на благо человечества».

Его близким другом и собеседницей становится загадочная и влиятельная, входящая во все модные круги и кружки Анна Минцлова, переводчица теософских книг, эзотерик, таинственно исчезнувшая в 1910 году. Однако то, что при встрече она прочитала по его руке, сильно подействовало на поэта: «В Вашей руке необычайное разделение линий ума и сердца. Я никогда не видала такого. Вы можете жить исключительно головой. Вы совсем не можете любить. Самое страшное несчастье для Вас будет, если Вас кто-нибудь полюбит, и Вы почувствуете, что Вам нечем от-

Максимиллиан Волошин
с матерью

Максимиллиан Волошин
с женой Марией Степановной

Д. Антонович *ОЕОДСІЯ*

Максимиллиан Волошин

Маргарита Сабашникова

Марина Цветаева и Сергей Эфрон

ветить... Для Вас будет самое ужасное, если Вас кто-нибудь полюбит и увидит, что Вы совершенно пусты. Потому что снаружи этого не видно. Вы очень артистическая натура...»

28 мая 1905 года «артистическая натура» записала в своём дневнике: «В прошлый вторник 22-го я посвящён в масоны. Завещание. Удар шпагой».

Царица Таиах

Ещё в 1903 году в Москве в доме мецената Сергея Щукина Волошина представили Маргарите Васильевне Сабашниковой. Художница и поэтесса, она приходилась племянницей Екатерине Бальмонт, второй жене Константина Бальмонта. С первого мгновения встречи Волошин, по его признанию, был поглощён Маргаритой, посвящал ей стихи. Маргарита же отвечала холодной признательностью и была удивлена, когда, не дождавшись отклика, Макс перестал у неё бывать. «Откуда мне было знать, – признавалась она позднее в воспоминаниях, – что моё ровное, дружеское отношение к нему причиняет Максу страдание. Я попросила его не исчезать». «Все мои поступки нелепы, я чувствую себя неуместным, – сокрушался Волошин. – Эта трагическая раздвоенность: меня влечёт женщина, но я не могу её коснуться, это кажется мне кощунством».

В период увлечения Сабашниковой в 1904 году Волошин случайно увидел в парижском музее копию древнеегипетской скульптуры, изображавшей царицу Таиах. Он был потрясен её сходством с Маргаритой. «Она похожа на вас, – немедленно написал он Сабашниковой. – Когда я подошёл к ней, мне показалось, что губы её шелохнулись, она как будто приветствовала меня. Сходство громадное – поразительно».

Волошин приобрёл слепок и поместил его в своей парижской квартире, а потом перевёз в Коктебель. «Утро в Париже всегда начиналось с прихода Макса, – вспоминала Маргарита Васильевна. – Затем круговорот выставок, салонов. Прогулки по окрестностям Парижа – Версаль, Сен-Клу. Макс много рассказывал, делился со мной знаниями, читал стихи. Восхитительно».

Настойчивые ухаживания Волошина увенчались успехом – Маргарита согласилась выйти за него замуж. Венчание состоялась 12 апреля 1906 года в Москве. Сразу после свадьбы молодые направились в Коктебель, а потом в путешествие от Стамбула до Берлина. Многочисленные знакомые Волошина сразу заметили, что молодая жена не подходит ему и относится холодно. Елена От-

тобальдовна вспоминала: «Когда Макс впервые приехал с Маргаритой в Коктебель, я пригласила на обед одну семейную пару с маленькой девочкой. Сидя за столом, она спросила у матери, указывая взглядом на Маргариту: "И почему царевна вышла замуж за дворника?"».

Увлечения Волошина природой Маргарита не разделяла, её влекла столица, интеллектуальный круг. В конце 1906 года Волошин по издательским делам приехал в Петербург и обосновался в доме на Таврической улице 25, где жил поэт Вячеслав Иванов. В литературных кругах Петербурга этот адрес был известен как «Башня» Иванова, так как дом стоял на пересечении с Тверской улицей и образовывал характерный выступ. Именно там, напротив Таврического сада и находилась квартира Иванова.

По средам Иванов и его супруга Лидия Зиновьева-Аннибал собирали «литературный бомонд». Частыми гостями вечеров были Блок, Кузьмин, Бердяев, Сологуб. Волошины поселились этажом ниже, и конечно, их всегда приглашали. На Маргариту Васильевну вечера у Иванова, да и сам хозяин произвели большое впечатление. «Стихи Иванова видятся мне духовной родиной, – писала она знакомой. – Я абсолютно незащищена перед миром собственных чувств. Прямо над нами – божественное пиршество ума и таланта. «Башня» – центр художественной жизни Петербурга».

Настроение Маргариты не могло не сказаться на её отношениях с супругом. «Дружные семейные пары – редкость, – признаётся она далее. – Над ними даже смеются. Это не в моде. Отношения должны быть драматичными. Вячеслав (Иванов. – *Ред.*) утверждает, что брак между мной и Максом – недоразумение. Между этими двумя исполинами я беспомощна как дитя. Я не могу испытывать прежнего безмятежного счастья, не может и Макс».

Злые языки передавали также слухи и о лесбийской связи Маргариты с самой Лидией Зиновьевой, о чём последняя даже написала рассказ, который вызвал скандал в обществе. Волошин тяжело переживал эти события. Решив, что лучше побыть врозь, он оставляет жену в Петербурге и в марте 1907 года уезжает в Коктебель. Он, по-прежнему, считает Иванова лучшим поэтом времени, о чём прямо и сообщает в письме. Маргарита всё-таки приезжает к нему, чуть позже. Она искренне желает сохранить отношения, но «разговоры и прогулки, – по её признанию, – печальны. Между нами призрак, который держит меня в плену». Маргарита возвращается в Петербург. Там она узнаёт, что супруга Иванова скорострительно скончалась, а Иванов женился на

своей падчерице Вере. Не на ней – это был удар. Всё в её жизни изменилось в минуту. Отношения Волошина и Маргариты прерываются, и он уезжает за границу.

В 1905 году происходит Первая русская революция. Волошин откликнулся на события статьёй «Пророки и мстители». «Судьба дала мне почувствовать все перспективы грядущих событий, – пишет он. – Революция – это психическое потрясение целой нации. Идея справедливости – самая цепкая и самая жестокая из всех идей, когда-либо овладевавших человеческим мозгом. Она затмевает сознание и мутит взгляд человека. Люди начинают убивать друг друга из-за неё. Робеспьер верил в справедливость и создал террор. Марат призывал к справедливости и требовал двести тысяч голов на плаху, но самая страшная справедливость – это справедливость во имя справедливости. Сейчас Россия вошла в круг справедливости и отмщения. Неслыханная мировая язва, о которой говорил Достоевский, уже началась. Появились новые трихины, существа одарённые умом и волей, которые вселяются в умы людей. И люди, принявшие их в себя, становятся сразу бесноватыми и сумасшедшими. Никогда эти люди не могут согласиться, что считать добром, а что злом. Прежде, чем человечество придёт к единству личности и общества, оно пройдёт до самого конца времени безумия».

Вернувшись из-за границы после разрыва с Маргаритой, Волошин навсегда обосновался в Коктебеле. Здесь он проведёт сорок лет жизни. Отшельник, поэт, исследователь «он в простых сандалиях, с непокрытой головой исходил все полынные тропы от Феодосии до Судака». Достраивал дом. На лето к нему приезжали друзья, они составили большую группу завсегдадаев, в шутку прозванную «Орден обормотов». Это общество отличал художественный дух, непринуждённость, свобода манер. Каждый занимался, чем хотел, но стол был общий и обязательные прогулки вдоль моря и в горы. Все переболели особой болезнью – поисками полудрагоценных камешков, сердоликов и халцедонов, на берегу недалеко от волошинского дома. По вечерам – обязательное чтение стихов на террасе.

Всей хозяйственной частью руководила мать Волошина, Елена Оттобальдовна, её в шутку называли «пра» («праматерь»). Невысокая, строгая, красивая, она сохраняла прекрасную физическую форму и несмотря на возраст ездила верхом по округе в мужском костюме как амазонка. Гости всегда отмечали особые отношения матери с сыном. Достаточно сказать, что только в 36 лет Волошин позволил себе перейти с матерью на «ты». Она следила за его рационом (Волошин весил около ста килограмм), но никог-

да не высказала ни слова творческого поощрения, не проявляла ласки. «По отношению ко мне, – вспоминал Волошин, – в ней поднималось нечто, что казалось вне сознания. Не понимаю, что это. Разумного, ясного, открытого человека, какой она бывает всегда, тогда в ней нет. Это мучает безумно, всё парализует внутри». «Праматерь здешних мест, – вспоминала о матери Волошина Марина Цветаева. – Верховод нашей молодости».

Количество гостей в волошинском доме иногда достигало шестисот человек за лето. Несмотря на присутствие такого количества людей, Волошин каждое утро работает в студии. Пишет акварели по памяти, подписывая их стихами. «Макс сам был планета. И мы, крутившиеся вокруг него, в каком-то другом, большем, круге, крутились совместно с ним вокруг светила, которого мы не знали. Макс был знающий. У него была тайна, которой он не говорил. Это знали все, этой тайны не узнал никто...» – засвидетельствовала Цветаева.

«Горе побеждённым!»

В мае 1909 года в Коктебель приезжает Николай Гумилёв. Он носит псевдоним Анатолий Грант. Вместе с ним – его протеже и возлюбленная поэтесса Елизавета Дмитриева. Именно она станет героиней одной из самых удачных литературных мистификаций, блестяще разыгранных Волошиным и на некоторое время оказавшейся главной литературной новостью в столице, а также причиной нашумевшей дуэли между Волошиным и Гумилёвым.

Волошин в это время активно сотрудничал с журналом «Аполлон» – помогал в организации. Однако главный редактор журнала Сергей Маковский, эстет и западник, настаивал, чтобы с журналом сотрудничали непременно «светские львы и львицы», причём даже в редакцию предполагалось приходиться в смокингах и вечерних платьях.

Елизавета Дмитриева, конечно, не прошла конкурс – она с детства прихрамывала, работала преподавателем в гимназии и к высшему свету отношения не имела. И тогда Волошин придумал нестандартный ход. «Мы решили изобрести псевдоним, – пишет он в заметке «Из истории "Черубины"», – и послать стихи в редакцию письмом. Оно было написано утончённым слогом по-французски. Бумага с траурным обрезом, надушена дорогими духами. Письмо было запечатано чёрным сургучом, на печати девиз: «Горе побеждённым!».

Стихи описывали католическую Испанию, передавали мистическую красоту авторессы, её глубокий католицизм и демоническую гордость». «Героиню» назвали романтично – Черубина де Габриак. При этом имя взяли из популярного тогда женского романа, а на фамилию пошло прозвище... «морского чёрта», хромого, но добродушного, защищавшего от злых духов. «Маковский был в восторге от стихов, – вспоминал Волошин. – Прихожу к нему, у него сидит Алексей Толстой. Маковский захлёб читает ему Черубину, тот и глаз не может поднять – он уже слышал эти стихи у меня. Я тихо сказал ему: “Уходи”, – и он исчез. А Маковский мне: “Вы только послушайте, я всегда говорил Вам, Максимилиан Александрович, вы недооцениваете светских дам, это же чудо”. Черубине было немедленно сообщено, чтобы всё, что она написала ранее, как можно скорее присылалось в издательство».

Легенда быстро распространилась по Петербургу. «По вечерам Маковский показывал мне письмо, которые мы написали и отправили ему утром, и все время восхищался: “Какая изумительная девушка!”. Он просил моей помощи в написании ответов, прибавляя: “Вы мой Сирано!”, даже не подозревая, насколько он близок к истине. В редакции только и разговоров было, что о Черубине. Маковский буквально влюбился в неё... В Лилю (Елизавету Дмитриеву) были безнадежно влюблены Вячеслав Иванов, художник Сомов, другие. Вячеслав Иванов, по-видимому, что-то подозревал, и однажды сказал мне: “Если это мистификация, то это гениально”. Он думал, ворона каркнет. Но не каркнула, я смолчал».

Тайна раскрылась неожиданно, по неосторожности. В порыве откровения Елизавета Дмитриева рассказала эту историю немецкому поэту Иоганесу Гюнтеру, и она стала достоянием гласности. Разразился скандал. Более всех оскорблённым почувствовал себя Гумилёв. Он ухаживал за поэтессой и даже не догадывался о «таком обмане!». О том, что Дмитриева и Черубина – одно лицо Гумилёву стало известно едва ли не последним. Над ним смеялись.

Елизавета вспоминала: «Гумилёв встретил меня в редакции, остановил, “Я прошу в последний раз, – сказал резко, – выходите за меня замуж”. Я ответила: “Нет”. Вечером мне сказали, что на “Башне” у Иванова Гумилёв говорил обо мне, бог знает что. Я позвала его и спросила, так ли это было. Он подтвердил. Вскоре об оскорблении узнал и Макс». «Мы встретились в мастерской Головина в Мариинском театре. Вокруг стояли декорации к “Орфею”, внизу пел Шаляпин. Я увидел Гумилёва с Блоком и Толстым на другом конце зала. Подошёл и ничего не объясняя, дал ему поще-

чину. Я и сам опешил. Гумилёв отшатнулся от меня и сказал: “Ты мне за это ответишь”. Мы с ним не были на “ты”. Я спросил: “Вы поняли, за что?”. Он ответил: “Понял”. На том и разошлись. Вечером мне сообщили, что Гумилёв вызывает меня на дуэль». Волошин принял вызов.

Дуэль состоялась 22 ноября 1909 года, «стрелялись за Новой деревней возле Чёрной речки». Секундантами со стороны Волошина выступали Алексей Толстой и художник Александр Ширвашидзе. Со стороны Гумилёва – поэт Михаил Кузмин и секретарь «Апполона» Евгений Боровский. «Гумилёв предъявил требование стреляться с пяти шагов до смерти одного из противников, – вспоминал Алексей Толстой. – Нам с князем (Ширвашидзе) с трудом удалось уговорить его секундантов на пятнадцать шагов. Но надо было ещё уломать Гранта (Гумилёва). На это был потрачен ещё один день. Погода была сырая, холодная. Вдоль дороги к Новой деревне дул мокрый ветер, и мотались голые вербы. Подъехали на двух автомобилях, меня выбрали распорядителем. Я отмерил пятнадцать шагов. Гранту я понёс пистолет первому. Он стоял на снежной кочке длинным, чёрным силуэтом. На нём был цилиндр и сюртук, шубу он бросил на снег, с ледяной ненавистью смотрел на Волошина. Тот стоял спокойно, без шапки, напротив. Грант стрелял первым. Блеснул красноватый свет, раздался выстрел – ответного выстрела не последовало. “Я требую, чтобы этот господин стрелял!”, – с бешенством закричал Грант. Волошин проговорил в волнении: “У меня была осечка”. – “Пусть он стреляет! Я требую!” – настаивал Грант. Волошин поднял пистолет, я слышал, как щёлкнул курок, но выстрела не последовало. Я подбежал, вывернул у него из дрожащей руки пистолет и целясь в снег, выстрелил. Гашеткой мне повредило палец. – “Я требую третьего выстрела!” – упрямо твердил Грант. Мы начали совещаться и отказали. Грант поднял шубу и пошёл к автомобилям. После дуэли ни он, ни Волошин не подали друг другу руки».

О дуэли скоро стало известно в Петербурге, событие горячо обсуждали. Елизавета Дмитриева была так потрясена всем случившимся, что надолго перестала писать, потом и вовсе уехала, её отношения с Волошиным прервались. Примирение Гумилёва и Волошина произошло только через десять лет. Они встретились в Феодосии за несколько месяцев до ареста и расстрела Гумилёва, тогда рукопожатие состоялось. Памяти Николая Гумилёва Волошин посвятил одно из самых пронзительных стихотворений, пророческое. «Тёмен жребий русского поэта, неисповедимый рок ведёт Пушкина

под дуло пистолета, Достоевского – на эшафот. Может быть, такой же жребий выну – горькая детоубийца Русь! – и на дне твоих подвалов сгину, иль в кровавой луже поскользнусь. Но твоей Голгофы не покину, от твоих могил не отрекусь...» (Коктебель, 1922).

А в жизни Волошина тем временем начиналась новая глава – в ней появляется юная Марина Цветаева. Они познакомились в 1910 году под знаком Черубины. Начинаящая поэтесса послала Волошину свой первый сборник и просила показать его Черубине. Волошин написал на стихи рецензию. «Никто никогда не относился так бережно к моим так называемым зрелым стихам, как Макс – к моим шестнадцатилетним. Он меня любил и за мои промахи. В нём ничего не было от мэтра, а времена были сильно мэтровые.»

Впервые на землю Коктебеля Марина Цветаева вступила 5 мая 1911 года. Мир Волошина, древняя Киммерия, круг его знакомых, его интересов – всё это покорило молодую поэтессу. «Макс – это шар вечности, – писала Марина Ивановна в воспоминаниях, – шар вечности, шар планеты. У него была тайна, которую так никто и не узнал. Макс сам был этой тайной. Я помню, как он сказал мне: "Как вы подаёте руку, Марина? Руку надо давать открыто, прижимать всей ладонью к ладони, в этом весь смысл рукопожатия. В вашем рукопожатии отсутствует доверие". Макс-у я обязана крепостью и открытостью рукопожатия, а за ними и обрётённым доверием к людям».

На одном из вечеров в доме Волошина в Коктебеле, Марина Ивановна познакомилась с Сергеем Эфроном, своим будущим мужем. В тот же вечер на берегу моря она нашла розовый сердолик, большую редкость. «На счастье, как сказал Макс».

Первую мировую войну Максимилиан Волошин встретил в Базеле, в нейтральной Швейцарии. Там он вместе с Андреем Белым участвовал в создании антропософского Храма искусств, задуманного Штайнером. Волошина призвали на военную службу. Он отказался. «Я не могу принять участия в братоубийственной войне, – написал он в пространном письме по этому поводу. – Как художник, дело которого создание форм, я не могу принять участие в деле разрушения форм, в том числе самой совершенной – храма человеческого тела. Тот, кто убеждён, что лучше быть убитым, чем убивать, не может быть солдатом». Максимилиан Александрович действительно верил в то, что писал, это соответствовало его взглядам. «Его делом жизни было сводить, а не разводить, – писала потом Марина Цветаева. – Так он видел войну, и мировую, и Гражданскую».

«Расплясались, разгулялись бесы по России вдоль и поперёк»

Будучи членом масонской ложи Великий Восток Франции, на её собрании 11 июля 1905 года Волошин прочитал свой доклад о России, которую воображал как «священное жертвоприношение» – о чём и сделал запись в дневнике. Тогда он ещё не представлял себе ту кровь и боль, которую вскоре принесла с собой первая русская революция. А затем и вторая февральская, третья октябрьская, и как терновый венец – гражданская война с голодом, холодом, предательством, зверскими пытками и братоубийством – всем тем, чем не на словах, а в жестокой реальности обернулись масонские мечтания и замыслы. Интеллектуальное опьянение сменилось тяжёлым похмельем.

Вернувшись зимой 1917 года в Коктебель, Волошин записал в дневнике: «Я больше никуда не эмигрирую, ни от кого не спасаюсь, все волны военных потрясений и смены правительств проходят над моей головой».

Однако ему ещё хотелось делать новое искусство, творить для новой свободной России! Иван Бунин вспоминал: «Максимилиан Волошин – один из виднейших поэтов предреволюционных и революционных лет России. Я знал его давно, но до 1919 года – не близко. Он мне сообщил, что собирается участвовать в выставке, которую устраивают большевики в Феодосии. Предупреждал его: не бегайте к большевикам, они ведь знают прекрасно, с кем вы были вчера. Болтает в ответ: искусство – вне политики, вне времени, я, мол, буду участвовать только как художник в украшении... В украшении чего, спрашиваю, собственной виселицы? А он мне в ответ опять о том, что в каждом из нас, даже в убийце, сохраняется страждущий Серафим, и что есть девять Серафимов, они нисходят на землю и входят в людей, дабы принять распятие и горение, из которого возникают какие-то лики. Всё-таки побуждал. А на другой день читаю в "Известиях": "К нам лезет Волошин. Всякая сволочь спешит теперь примазаться к нам". Вот так».

Но Макс был слишком страстным и добрым человеком, для того чтобы затаиться и жить в своём тихом домашнем миреке на любимой вилле. Не история – жизнь учила его. Он стал «чужд метаний, перепуга, кратковременных политических восторгов, – вспоминал Илья Эренбург. – В мае 1920 года он спрятал от врангелевцев на чердаке большевика-подпольщика. А когда арестовали Мандельштама, поехал в Феодосию, добился приёма у начальника

белой разведки, говорил гневно: "Милостивый государь, по характеру вашей работы вы, конечно, не обязаны быть осведомлены о русской поэзии. Я приехал, чтобы заявить, что Мандельштам – большой поэт". Волошин помог мне и Мандельштаму выбраться из врангелевского Крыма. Он был смелым человеком, любил поэзию, любил Россию. Его звали за границу, но он остался в Коктебеле».

«Деятнадцатый год подтолкнул меня, – писал Волошин в автобиографии, – к единственно возможной для меня общественной деятельности при всём моём отрицательном отношении к политике, – к борьбе с террором, независимо от его окраски. Дух партийности мне ненавистен. Из преисподней разрушения, жестокости и голода я вынес свою веру в человека. Эти же годы явились наиболее плодотворными в моей поэзии. Тема моя – Россия». Революционную Россию он видел без прикрас: «Одни восстали из подполья, из ссылок, фабрик, рудников, отравленные тёмной волей и горьким дымом городов. Другие – из рядов военных, дворянских разорённых гнёзд, где проводили на погост отцов и братьев убиенных. Одни возносят на плакаты свой бред о буржуазном зле, о светлых пролетариатах, мещанском рае на земле. В других весь цвет, вся гниль империй, всё золото, весь тлен идей, блеск всех великих фетишей и всех научных суеверий... А я стою один меж них в ревущем пламени и дыме. И всеми силами своими молюсь за тех и за других».

Теперь-то о революции, интеллигенции, народе и о себе он понял то, что раньше вовсе не было скрыто, но он почему-то не осознавал, как и его гениальные друзья. «На наших глазах, – писал Волошин в статье "Русская революция", – совершается торжество исторического абсурда. Европе грозит социальная революция, которая может кончиться для неё полной гибелью всей европейской христианской культуры. Россия принимает на себя жертвенную роль, она делает себе прививку социальной революции, как прививку холеры или дифтерита, переживает неприсущую ей болезнь, и тем спасает Европу от гибели. То, что русская интеллигенция приветствовала как революцию, на самом деле был бунт небывалых размеров». И в стихах:

«С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях...

Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,

Гражданских прав? И Родину народ
Сам выволок на гноище как падаль.

О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,

Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда».

Нет, он не был пророком. И всё же в стихах Волошина времён Гражданской войны были прозрения – непонятные, недоступные его современникам. Он предсказал и единственно возможный для нас путь покаяния, обращения народа к Спасителю. Стоит ли спорить: до конца ли был Волошин теософом или в решающую минуту остался со Христом?

С установлением в Крыму советской власти Волошин оказался в интеллектуальной изоляции. Его не трогали, но его творчество не вызывало одобрения. Его практически не печатали, а если это случалось, то гонорары были мизерные, на жалкое пособие, которое он получал от властей, невозможно было существовать. Но даже в самые тяжёлые годы войны и голода двери волошинского дома оставались открытыми для всех. «Имею претензию быть автором собственной социальной системы, – заявлял Волошин. – Утверждаю право быть человеком, а не гражданином. На вопрос, к какому крылу вы примыкаете, к красному или белому, я отвечаю, что летаю на двух крыльях».

В 1919 году в Коктебеле появилась Мария Степановна Заболоцкая. Медик по профессии, она приехала в Крым, чтобы работать в амбулатории в селе Дальние Камыши недалеко от Феодосии. На вечере медиков слушала выступление Волошина, подошла, разговорились: «Так началась наша дружба, – писал Максимилиан матери. – Мария Степановна теперь часто навещает меня, не знаю, как бы я без неё справлялся...».

Заболоцкая стала женой Волошина, ей удалось даже подружиться с его матерью. После смерти Елены Оттобальдовны она полностью взяла на себя все хозяйственные труды по дому и заботу о литературном архиве поэта. В 1922 году Волошин получил от властей охранную грамоту на виллу, здесь был открыт бесплатный дом отдыха для писателей. В 1924 году Максимилиан Александрович отправился в Москву в надежде получить разрешение на издание своих произведений, добился приёма у Каменева, читал стихи.

Каменев похвалил, даже написал записку в Госиздат. Но как только Волошин ушёл, не стесняясь свидетелей, снял трубку и тут же приказал не придавать его записке значения.

Это лицемерие власти окончательно подкосило Волошина. 9 декабря 1929 года у него случился инсульт. А чуть позднее на фоне голода в Крыму – обострение астмы. 1 августа 1932 года в 11 часов утра на 56-ом году жизни поэт скончался. Похоронили Волошина в Крыму, на вершине горы, «в любимой его Киммерии, где сомкнулись для него навсегда пространство и время».

Кстати

В советское время Волошина почти не издавали. Почитатели переписывали его стихи от руки. Он предвидел это:

«Почётней быть твердимым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я – мы все имели честь
”Мир посетить в минуты роковые”
И стать грустней, и зорче, чем мы есть.
Я не изгой, а пасынок России...»

В дом этого «пасынка» поэты, однако, приезжали как к отцу. Сначала в дом, пока до 1976 года жива была Мария Степановна Волошина, потом в Дом-музей. Каждый год в середине августа здесь много гостей – празднуют день рождения поэта.

Санкт-Петербург

Могила Волошина в Коктебеле